

Была середина лета 1943 года. Началось танковое сражение, которое вошло в историю как битва на Курской дуге. Поселок Прохоровка, где проходили бои, находился в нескольких километрах от станции Ржава. Там был ад. Его эхо доходило до нас. Самое страшное, что только могло случиться с нами, случилось. Немецкие самолеты бомбили нашу станцию. Полностью был разрушен вокзал. Один за другим дома превращались в груды обломков. Много убитых и раненых.

Люди в панике покидали родную землю, оставляли дома и нажитое добро. Забирали детей и уходили кто куда, спасали самое дорогое, что есть у человека, — жизнь. Моя бабушка тоже покидала родной угол. Возле станции она нашла небольшую тележку, осторожно уложила на нее раненую маму, сунула ей в одну руку грудного братика, в другую меня. Крепко привязала нас веревкой к тележке, впряглась в нее и вывезла из этого ада.

Деревня, в которой мы остановились, была в двух часах ходьбы от железной дороги, проходящей через станцию Пристенное. Здесь была тишина.

На пригорке, где раскинулся бывший барский яблоневый сад, стоял маленький домик. Он был так мал и так непохож на другие дома, что, кроме как «избушкой», его иначе не назвать. Домик соорудил своими руками сторож сада, который ушел на фронт. В нем мы и расположились. Наша избушка с единственным узким окошком, куда едва проникал свет, была сплетена из хвороста, замазана глиной и побелена мелом. Ее тонкие стены как могли приютили нас.

Деревня состояла из нескольких домиков, далеко разбросанных друг от друга. Зеленые сады и огороды спускались вниз, к реке — первой реке моего детства. Она тихонько и плавно текла, вызывая в душе безотчетную радость жизни. Мои свидания с этой блестящей красавицей очень редки. Они возможны только в случае побега из избушки, где я, в отсутствие бабушки, сидела под замком. Но плетеная дверь податлива, а река зовет меня. Я отчетливо слышала этот зов и сбегала. Сливалась с рекой, стояла по колено в воде и смотрела на ее текущие воды. Они сверкали на солнце и завораживали. Меня нет, есть только река и я. Мы едины. Это первый миг моего сознания, счастливый миг, озаренный солнцем. И как это здорово — принять мир с чувством светлой радости.

Но эта первая радость так коротка! Строгий окрик бабушки заставляет вспомнить об опасности. Кругом была война. И хотя немцев наша деревенька пока не интересовала, тень беды приближалась и смертельным холодом окутывала нас.

Память навсегда сохранила непостижимую для детского сознания картину...

В нашу избушку заходят двое. Это немцы. Оба с автоматами, которые нацелены на нас. Они пришли оттуда, где идет война. Один что-то кричит на непонятном языке и начинает рыться в вещах. Он ищет хлеб. Быстро находит его. Хлеб лежит в тазу под кроватью, накрыт чистым вышитым рушником. Прежде чем испечь его, бабушка с большим трудом достала муку. Она-то знает ему цену!

И когда фашист пытается забрать хлеб, то в доме начинается крик и плач. Та молодая женщина, которая все время лежит, вдруг, приподнявшись на кровати, вырывает у немца буханку. Обнимает ее обеими руками и, как будто что-то живое и бесконечно дорогое, прижимает к сердцу. Бабушка голосит, слезы горячим потоком умывают мое лицо.

Фашист звереет, наставляет автомат на женщину, зажавшую мертвой хваткой хлеб, готовую умереть, но не отдать.

Когда немец был уже готов выпустить очередь из автомата, второй неожиданно хватается за плечо, показывает в нашу сторону, говорит: «Киндер, киндер...» Он оттаскивает разъяренного немца от нас. Я и сейчас слышу этот плач и крик ужаса двух женщин и маленьких детей.

Но судьба взяла нас под защиту. Бабушка потом всегда вспоминала немца, который не стал стрелять в женщин и детей, оттащил фашиста-зверя. Она всегда говорила:

— Среди всякого народа есть уроды, но есть и хорошие люди, это те, кто воюет не по своей воле, которым приказал воевать проклятый Гитлер.

Мама! Это моя мама все время лежит на узкой железной кровати. Мое детское сознание еще не понимает степень родства. Для меня образы мамы и бабушки пока сливаются в один. Однажды бабушка расскажет о том, что произошло с нами...

Перед тем как нам приехать в деревню, немцы бомбили близлежащие районы между Курском и Белгородом. Вот тогда осколком снаряда была ранена в ногу моя мама. Она не могла встать, врачей не было. Вокруг был немец. Мамочка лежала прикованная к постели с осколком в колене. Но даже раненая, она не испугалась немцев и не отдала хлеб, ведь у нее были мы — двое малюток, и нас надо было кормить. Хлеб в войну был дороже золота. Смерть не была страшна ей. И какая должна быть решимость в ее глазах, что она не уступила фашистам.

Долгое время жители деревни жили в страхе, боялись, что немцы опять придут. Но больше они не пришли, так как через некоторое время наши войска прогнали их с родного края и освободили Пристенский район, где находилась и наша станция Ржава..

Но война на этом не закончится, победа еще далеко.

Оставшаяся часть лета пробегает быстро, и вот уже холодные осенние ветры и дожди срывают последние листья в яблоневом саду. Впереди еще одна беспросветная, безрадостная, холодная и голодная военная зима.

Жить в нашей избушке было бы совсем невозможно, но умный сторож-садовник выложил посередине ее русскую печь. И это было спасением от трескучих морозов в те холодные зимы.

Память опять возвращает меня туда, в те годы... В избушке полутемно. Маленькое окошко чем-то затянуто, за тонкими стенами стонет уже холодная снежная осень. И вот однажды, в такой гаснущий осенний вечер, к нашей избушке кто-то подошел. Ее как будто бы кто-то приподнял с одной стороны. Мы замерли. Жуткий страх охватил нас...

Бабушка, самая смелая, припала лицом к окошку:

— Ах ты, бессовестный! — закричала она. — Я тебе сейчас покажу, как детей пугать!

С этими словами она схватила кочергу, стоящую возле печки, и стала кому-то ею угрожать.

А произошло вот что. По деревне всегда бродил колхозный бык Кузя. Он был оставлен для тяжелых работ в поле. Мы, дети, едва завидев его, мчались по домам. Огромный, со страшной головой, с выпученными глазами, с расширенными ноздрями, из которых шел пар, с тяжелыми широкими копытами, он наводил на нас невероятный ужас.

Одинокий Кузя больше всего любил бродить по нашему саду. В этот серый холодный вечер мы грустно сидели и грелись у печки. Кузе тоже, видно, было грустно и холодно. Он решил заглянуть в наше крохотное жилище. Подойдя к нему, он своим страшным лбом с короткими рогами ткнулся в маленькое окошко и как бы поддел его, отчего наш хиленький домик зашатался. Холодный воздух хлынул в разоренное окошко. То ли сердитый голос бабушки не понравился, то ли стало неинтересно, но, к нашей великой радости, Кузя ушел.

А вьюга и ветер все пели и пели свои тоскливые песни, которые были хорошо слышны, хотя бабушка и заткнула окно подушкой. Безысходная печаль струилась из этого сумрачного вечера, заполняя мою детскую душу. Мир был так мал и так угрюм в нашей темной избушке, а этот печальный поток осенних звуков околдовывал и убаюкивал меня.

О боже! Как сладка была эта детская грусть под завыванье осенней непогоды. Я и сейчас слышу ее заунывную мелодию. Видно, тогда вокруг нас летали ангелы и тихонько напевали свои грустные песни.

Братик! Что я о нем знала? Маленький, беззащитный, с вечно открытым ротиком. Сейчас и не помню, разговаривал он или нет... Помню только вечную темноту в нашей крошечной избушке, печь с красными горящими языками пламени. Мы сидим, прижавшись друг к другу, прислушиваемся, и кажется, что печка разговаривает с нами, потрескивая, подмигивая, вспыхивая и освещая наши лица.

Мы так рады ей, она успокаивает нас, дает живое тепло, согревает. Наблюдаем, как бабушка подкладывает хворост, и светлая радость переполняет наши сердца. Мы все слушаем и слушаем треск нашей печурки, следим за гаснущими искрами, которые летят от сгорающего хвороста, и легкий волшебный туман обволакивает нас, рисует волшебные картинки.

Братику всего два года, мне уже три, мы постоянно голодны. Бабушка каждый раз, растопив печь, выпекает нам картофельные лепешки, больше в доме ничего нет. Чтобы их испечь, не нужен ни жир, ни масло. Она трет картошку, добавляет туда немного муки, солит тесто и деревянной ложкой кладет эту смесь на раскаленную печь. Через несколько минут лепешка готова. Но! Эти минуты тянутся очень долго.

Мы прыгаем, заглядываем, дергаем бабушку за рукава. Бабушка и сама спешит дать нам скорее эти долгожданные лепешки. Наконец, обжигая руки, мы получаем желаемое. Успокоившись и удобно усевшись на земляном полу так, чтобы видеть сверкающие языки пламени, смеемся и начинаем быстро уплетать вкусные горячие лепешки.

Наконец-то мы сыты. Много ли надо двум малышам!.. Обгоняя друг друга, залезаем на горячую лежанку русской печи. Счастливые, еще совершенно не понимающие того ужаса, который творится всего в нескольких километрах от нашей деревни, крепко и быстро засыпаем. Нам снятся детские сны. Кто-то ласково гладит нас по головке. Мы маленькие детки, нам нужны сейчас только печка, ее тепло, картофельные лепешки и наша добрая бабушка. Только спустя долгие годы начинаешь понимать, что в этот момент могла переживать и о чем думать наша бесценная бабушка-голубушка.

Однажды, когда еще только забрезжил рассвет, к нашей избушке подъехала военная машина, она прорвалась через линию фронта, подбирала раненых и отвозила в Курский военный госпиталь. Обезжая места, где недавно в нескольких километрах от нас шли военные действия, рискуя жизнью, военные медики подбирали тех, кому нужна была помощь. Каким-то чудом они заехали в деревню, где лежала и уже не вставала моя раненая мамочка. Неизвестно, что было бы с ней, если бы тогда ее не забрали в госпиталь. Скорее всего, без медицинской помощи она погибла бы... Но судьба, пославшая столько испытаний, сохранила ей жизнь. В тот момент мы с братиком спали и не слышали, как увозят маму. Мы были еще очень малы, чтобы понять, что происходит.

Еще не успев по-настоящему привыкнуть к маме, запомнить ее, мы уже расставались с ней, может быть и навсегда. Бабушка в тревоге провожала маму, беспокоясь, как они доберутся.

Но, слава богу, все обошлось, и ей с оказией передали, что мама в госпитале. Теперь она стала собирать маленькие посылки, которые отвозила в госпиталь мамина подруга — Наташа. Ржаные коржики да печеные яблоки — это все, что тогда было возможно переслать. Быстрая, с острым взглядом черных глаз, Наташа неожиданно появлялась и мгновенно исчезала. Я никогда не успевала разглядеть ее, а после того как она уходила, думала только о том, куда же Наташа повезет бабушкины вкусные коржики. Я почти забыла маму и даже о ней не вспоминала.

Мы продолжали жить заботами и невзгодами военного времени. Бабушка понимала, что картофельные лепешки не спасут нас. Кое-как перезимовав, она как-то изловчилась и приобрела козу, звали ее Маруська. Мы были худые и бледные, от молока отвыкли. Едим плохо и вяло.

Бабушка варит чугунок картошки, ставит его на завалинку и зовет всех деревенских ребятишек. Они с удовольствием уплетают горячую картошку. Глядя на них, едим и мы. Это ее маленькая хитрость. Потом, уже вечером, перед сном, она ставит перед нами по стакану парного козьего молока, которое мы не любим, но ремень в ее руке заставляет подчиниться.

Ах, эта коза Маруська! Это просто наше счастье! Мы с ней неразлучны. Живет она вместе с нами, в передних сенях. Мы очень любим с ней играть и разговаривать. Весной она принесла двух козлят. Маруська была умная, как говорила бабушка. Все, о чем бы с ней ни говорили, понимала да еще при этом мекала и кивала головой.

Перед тем как разродиться, она подошла к бабушке, потерлась лбом об ее руку, как-то грустно помекала, подняла свою рогатую голову, и из ее огромных печальных глаз выкатились слезы. Она как бы говорила бабушке о том, что ей сейчас очень трудно, ведь надо дать жизнь новым существам.

Бабушка, присев перед ней, долго гладила ей брюхо, морду, что-то шептала на ухо. Затем, успокоенную, повела в дальний угол сеней. Там она постелила ей свежего сена, покрыла чистыми тряпками, уложила и уже не отходила от нее. Маруська долго стонала. Но вот наконец стихла. Два маленьких комочка, попискивая, уже вцепились в сосочки и сосали у нашей козочки молочко. А мы с братиком смотрели на это чудо. И думали: «Кто это, откуда они взялись?»

Бабушка строго говорила:

— Можно смотреть, трогать никого нельзя, они еще очень маленькие.

Маруська лежала довольная и гордая. Да, да, я помню, какая-то козья гордость светилась в ее глазах. Вот, мол, смотрите — какая я. И мы ее глубоко уважали своими маленькими детскими сердцами. Мы жалели ее, украдкой целовали ее

морду. Слабыми ручонками гладили ей уши. Она фыркала, вздрагивала, но была довольна.

На большой поляне, где бабушка вбивала кол и привязывала Маруську на длинной веревке, теперь гуляли вшестером: Маруська с двумя козлятами и мы с бабушкой. Маруська щипала зеленую сочную травку, а возле нее весело прыгали и кувыркались два ее козленка, братик и я.

Однажды бабушка ушла в поле нарвать травы для козочек. Мы с братиком стали искать что-нибудь поесть, но ничего не нашли, кроме двух мисок, наполненных каким-то застывшим жиром. Голод взял верх. Мы, чтобы не заметила бабушка, обгрызли по краям мисок этот жир. Но потом произошло самое страшное. Желудочек моего маленького братика не справился с такой тяжелой пищей, и он умер.

Какой ужас! Умер мой братик! Маленький, он лежал неподвижный и холодный. Бабушка плакала и причитала:

— Не сберегла, не сберегла!

Я еще ничего не понимала ни в жизни, ни в смерти. Запомнилось только, что все самое «красивое», что бабушка недавно получила для нас — детей войны, она надела на него. После получения таких пайков приходила печальная, расстроенная и говорила:

— У кого берут? У кого воруют? — И сама отвечала: — У сирот...

Вместо целой посылки вещей, которые приходили из тыла, давали одну какую-нибудь ненужную вещь. Вместо коробки спичек — несколько штук, вместо пачки соли — щепотку. Так и попали к нам однажды никому ненужные в деревне белые чулочки. Старому, беззащитному человеку можно подсунуть все, он ничего не скажет и этому будет рад.

Я стояла и смотрела, как бабушка надевала беленькие чулочки на тоненькие маленькие ножки братика. Ах, эти белые чулочки! С первого мгновения, как только я их увидела, когда бабушка принесла домой, они стали голубой мечтой моего детства. «Какая же я буду красивая, — думала я про себя, — когда их надену». Каждый день просила бабушку разрешить надеть их. Но она была неумолима.

— Нет, еще не пришло время, не сейчас, пусть лежат. Вот подрастешь, тогда они тебе пригодятся.

Но они мне не пригодились. Они достались моему братику. Это было все, что могла дать бабушка, собирая его в последнюю дорогу.

Скорбно стояли мы у выкопанной крошечной могилки старого деревенского кладбища, где и крестов-то не сохранилось. Одни круглые зеленые холмики, разбросанные друг от друга. Влажный, холодный ветер ранней весны трепал дырявую ветошь, которая была надета на нас.

Вокруг не было ни души. Небо, высокое и бескрайнее, да беспокойное полуденное солнце, прячущееся за бегущие серые облака, любопытно заглядывали в маленькую могилку, освещая ее в последний раз своим светом.

Бабушку невозможно было оторвать от могилы. Она, словно травинка, стелилась по земле, прощаясь и провожая в последний, совсем еще не начатый, но уже законченный жизненный путь моего братика. Он ушел на небо чистый и светлый.

— Царствия ему небесного! — задыхаясь от слез и рыданий, просила бабушка Бога своего, которому верила беззаветно. Она сделалась еще тише и грустней.

Я очень скучала по братику, мне его недоставало, мысленно разговаривала с ним, делила все пополам. Горечь потери никак не покидала нас, и еще долго я буду просыпаться от ночного тайного бабушкиного плача.

Шло время, жизнь брала свое. На землю пришла настоящая весна. И хотя до победы было далеко, она мне очень запомнилась. Это была моя первая осознанная весна. Быстро прошли весенние холода. Чистые сверкающие ручейки приглашали остановиться и послушать их. В душе творилось что-то неведанное, новое. В природе каждый день все менялось, отвлекало от грустных дум. Дни стали длинными и прозрачными.

Вот тогда у меня появились первые осмысленные вопросы:

— Бабушка, из чего состоит день?

— Что? День?— удивленно спрашивает бабушка. Она задумывается и грустно говорит: — Не знаю, а как думаешь ты?

Я вглядываюсь в даль, мысли мои уплывают в какую-то непонятную глубину, ищут за что бы зацепиться, и я говорю:

— Ну как ты не видишь, бабушка? Смотри, сверкают искорки, их много, много! Видишь, они кружатся вокруг меня. Значит, день состоит из этих искорок.

Бабушка загадочно улыбается и говорит:

— Ну вот и хорошо. Ты тоже будешь у меня сверкающей искоркой.

Как ни странно, я помню этот искрящийся и прозрачный день, весь в светящихся точках, прыгающих и мигающих. То ли это было видимым, то ли это светилось в моем детском сознании. Не знаю, но помню это.

Этот сверкающий золотом день тянется долго. Я иду по заброшенному саду, деревья тонут в мягком черноземе. Откуда такая красота? Яблони, еще вчера такие корявые и изломанные, сейчас стоят совершенно неузнаваемые. Сегодня они торжественны и нарядны. Пушистыми лепестками касаются они моего лица, радуют и веселят легкими бело-розовыми тонами. Своим шелестом манят меня в неизведанный мир розовых надежд. Я хожу между деревьями, трогаю эти пушистые соцветия и не могу наглядеться. Ухожу... Снова возвращаюсь, яблоневый сад не отпускает меня. Я отламываю драгоценную веточку с душистыми лепестками и, надышавшись их ароматом и налюбовавшись красотой сада, иду домой.

В деревне идет повседневная работа. Все, молодые и старые, работают в поле и огородах. Лиц не видно, только белые платочки, прикрывающие головы от палящего солнца, да спины в выгоревших ситцевых кофточках мелькают на черной земле. Они копают, сажают, поливают.

Трудится, не разгибая спины, и моя бабушка.

Мы родились, когда война уже шла по нашей земле и черным дымом закрывала небо нашего детства. Но пока она была еще далеко отсюда. Люди продолжали жить в своих домах и растить детей. А между тем война уже подползала к дверям нашего дома.

Приближалось лето 1944 года. Год назад, когда немец уже бомбил наши дома, бабушка перевезла нас сюда, в деревню, где сейчас с раннего утра до позднего вечера трудится в огороде. Надеяться не на кого, надо выжить. Она сажает картошку, фасоль, лук, тыкву. Деревенские жители делятся семенами.

Люди сделались молчаливыми. В короткие минуты отдыха говорят только о скорой победе. Они ждут ее днем и ночью. Так проходит зеленая, цветущая яблоневым цветом весна, сильно взволновавшая мою детскую душу.

Наверное, благодаря увиденному, еще раньше, чем осознаю своим детским умом, я всей душой, всем сердцем почувствую любовь к двум ценностям: к землематушке и рождаемому ею хлебу-батюшке. Любовь к хлебу войдет в мое сердце из добрых ладоней бабушки. Я и сейчас вижу, как бережно отрезает она ножом

кусочек хлеба, собирает крошки и отправляет их в рот. Не дай бог, если я уроню. Бабушка заставляет поднять, сдуть пылинки, поцеловать — как бы попросить прощения у хлеба — и затем съесть этот кусочек. Каждый раз она не устает рассказывать, как трудно достается людям хлеб, как тяжело его вырастить, особенно сейчас, в военные годы, когда все мужчины на фронте.

Хлеб сеют, жнут, собирают, вымолачивают, сушат, мелют муку и только потом выпекают душистые караваи.

— Хлеб всему голова, без него нет жизни, запомни это навсегда, — говорила она. Я запомню святые ее слова на всю жизнь и передам эту любовь к хлебу своей дочери и всем детям, с которыми мне потом придется встречаться.

Каждый раз мы с нетерпением ждали прихода Наташи и внимательно слушали ее рассказ о том, что делается на освобожденной от немцев станции. Однажды она сообщила, что вместе с детьми уже вернулась в свой уцелевший дом. И, как будто испугавшись чего-то, засуетилась и поспешно собралась в обратный путь, на полуслове прервав разговор. Было очевидно, что она что-то недоговаривала...

Однажды, после разговора с тетей Наташей, ранним утром бабушка отправилась на станцию, где был наш дом. Закрытые в избушке, мы с Маруськой волновались. Она протяжно мекала, а я редела. Легнее солнце уже садилось, когда наконец слышались шаги. Мы радостно бросились навстречу. Бабушка вошла озабоченная, в руках у нее был маленький чемоданчик.

— Бабушка, что это? — спросила я.

Вытирая слезы концом косынки, передала она мне горькую историю о том, что у нас нет больше своего угла. Немец разбомбил наш дом.

— Но Бог милостив, я нашла целым и невредимым этот чемоданчик. Вернется мама, он поможет нам, а пока мы его спрячем, чтобы никто не увидел, — закончила она.

Потом, гораздо позже, я узнаю и пойму, как здорово помог нам этот маленький чемоданчик. Он оказался для нас почти волшебным. Вот что было раньше... Фашисты стремительно приближались. Не сегодня завтра они появятся на станции. Соседи и знакомые покидали ее. Но, перед тем как уйти, они наспех рыли ямы, закапывали туда свое добро, чтобы оно не досталось немцам. Все надеялись скоро вернуться. Моя мудрая бабушка единственное что смогла сделать — это разобрать кирпичный порог дома и зарыть туда маленький чемоданчик. В него она собрала все мамины драгоценности.

— Если взять с собой, то все равно их отберут, — рассуждала она. — Но если останемся живы, эти золотые вещи нам помогут.

Так и вышло.

Подходя к дому, она увидела одни развалины. Присев на обломки, долго и горько плакала. «Что же теперь делать? Куда возвращаться?» — думала она, не сразу вспомнив о чемоданчике.

А вокруг копошились старики и женщины. Как муравьи возвращаются в разоренные муравейники, так и люди спешили в свои кое-где уцелевшие дома. Молча, подавленная еще одним свалившимся на нее горем, все ходила и ходила бабушка вокруг лежащего в руинах родного дома. Облегчив слезами измученную душу, она стала успокаивать себя, говоря вслух, что это не самое страшное. Она хорошо знавала, как сейчас нужна дочери и внучке.

Как будто очнувшись от кошмарного сна, она, вдруг вспомнив, стала лихорадочно разгребать развалины в том месте, где когда-то был порог. И, уже почти не надеясь, к великой радости нашла то, что искала. Снаряд упал в центр

дома, но кирпичный порог остался незатронутым. Она выкопала чемоданчик и двинулась обратно. То, что она только что увидела, пережила, обострило чувство тревоги за меня. Обратно она не шла, все десять километров бежала. Ей хотелось быстрее увидеть и понять, что с нами все в порядке, что мы с Маруськой целы и невредимы. Так, совершенно обессилив, она добралась наконец до нашей избушки.

Тетя Наташа, вернувшись из госпиталя, никаких утешительных вестей не привезла. Бабушка разволновалась. Ее мучили нехорошие предчувствия. Прошло больше года, как маму отвезли в госпиталь. Раньше оставить меня одну она боялась, но, после того как откопала чемоданчик, постоянно стала думать о поездке к маме. Чувство материнской тревоги не давало ей жить, она перестала спать по ночам, ничего не ела. Ее тяжелые вздохи стали тревожить и меня. Я, как назло, хваталась за бабушку своими слабенькими ручонками и не отпускала ее. Но она словно не замечала этого, твердила только о том, что должна быть у мамы. Бабушка еще надеялась хоть чем-то помочь дочери. Но как и чем, не знала. Чемоданчик помог, он дал ответ: она возьмет все золото и отвезет в госпиталь самому главному врачу. Эта мысль ее немного успокоила. Она лихорадочно стала собираться в дорогу.

Оставив меня с тетей Наташей, бабушка торопливо добирается до станции, едет на поезде в незнакомый город, где находится военный госпиталь, и вот уже сидит в кабинете врача. Он сочувственно смотрит на эту истерзанную горем пожилую женщину и говорит о том, что готовит ее дочь к операции. Положение очень серьезное, ждать больше нельзя.

Бабушка несмело выкладывает перед ним золотые вещи и сквозь слезы умоляюще шепчет:

— Пожалуйста, спасите мою дочь, сохраните ей ногу, ведь она еще так молода. Она опускается на колени и пытается поцеловать доктору руку.

— Возьмите все, что у меня есть, только помогите моей дочери, — горячо просит бабушка.

Врач понимает, что перед ним стоит Мать, он бережно поднимает ее с пола и, чтобы не обидеть, объясняет:

— Зачем же сейчас благодарить меня? Поверьте, мы делаем все, чтобы помочь вашей дочери, но то, о чем вы сейчас просите, — невозможно. Больную ногу все время держат в выпрямленном состоянии с подвешенной тяжелой гирей. Срочно нужна чистка, чтобы заражение не пошло дальше. Сейчас вопрос стоит о ее жизни. Я обещаю, что мы спасем ей жизнь и сделаем все возможное, чтобы спасти ногу. Если это удастся, тогда и будете благодарить. Уберегите, пожалуйста, ваши драгоценности. Они вам непременно понадобятся. До свидания.

Бабушка неловко прячет в мешочек все то, что в этот момент ей казалось таким значительным.

К маме ее не пустили, только взяли передатку. Видно было, что дело серьезное и не до свиданий. Бабушка вернулась к нам. В память о том враче хочу сказать, что до последнего дня она добрым словом будет вспоминать профессора, который так уважительно говорил с ней и не позарился на то, что у нее было. Эти драгоценности действительногодились нам. Но до этого момента было еще очень далеко...

А в это время в госпитале совершенно измученную маму готовят к сложнейшей операции. Все участвуют в ее судьбе. Профессор делает невозможное, чтобы спасти ногу, но, к сожалению, ничего сделать не сможет. Слишком много было упущено

времени. Ни растяжка, ни чистка — ничего не спасет. Начнется гангрена, и тогда, уже не спрашивая маминого согласия, ее погрузят в глубокий наркоз и ампутируют ногу. Наркозов было несколько. Она долго спала. Врачи стали будить ее. Первое, что почувствовала, просыпаясь: страшно чесалась нога. Она протянула руку, но ноги не было, и она потеряла сознание.

Мама не боялась смерти, но испугалась фашистов, но никак не соглашалась остаться без ноги. Именно поэтому так долго держали ее в госпитале и так длительно лечили — боролись за ее молодость. Когда врачи начинали осторожно вести с ней разговор, убеждать в том, что необходима ампутация, мама не хотела слушать и говорила:

— Лучше умереть, чем остаться без ноги.

— Но у вас двое маленьких детей и мать-старушка, — доказывали ей. (Мама еще не знала о смерти братика.) Она тихо и молча плакала.

И вот сейчас лежит без сознания. «Это может плохо кончиться, она еще очень слаба», — волнуются врачи. И опять борьба за ее жизнь. Три дня без сознания, но молодость берет верх, и второй раз мама выходит победительницей из смертельной схватки.

Медленно и трудно идет выздоровление. Она ни с кем не разговаривает, лежит и часами смотрит в стену. Ее мучает только один вопрос: как жить дальше?

Ногу ампутировали далеко выше колена. Ни один протез не сможет удержаться на столь короткой культе, как потом показала жизнь. А ей всего двадцать четыре года!

Маму любил весь госпиталь. Те, кто после ранения могли ходить, навещались к ней. Иногда приносили цветы, ласково говорили, убеждали в необходимости жить и не падать духом. Ее молодость, терпение, с которым она переносит такие тяжелые испытания, вызывали не только жалость, но и уважение. Жалуют по-настоящему, сожалея, что не спасли, не защитили.

Может быть, мама не смогла бы выжить, но, наверное, за все страдания Бог посылает ей награду. К ней приходит любовь. Незваная, непрошенная, пока еще ненужная этому изболевшемуся сердцу, любовь легким дыханием потихоньку оживляет ее уставшую от несчастья душу.

Грустно и одиноко прожили мы еще одну зиму, которая тянулась бесконечно. Все спешили вернуться в свои дома. Мы пока оставались в деревне. Нам некуда было возвращаться. Бабушка со слезами вспоминала свой дом и ругала проклятых фашистов.

Но новая весна, еще лучше той яблонево́й, прошлогодней, уже заполняла все вокруг.

Пришла весна 1945 года — весна нашей Великой Победы. Помню, как плакали, радостно обнимали друг друга все жители деревни. Дома, словно ульи, загудели, вокруг стало шумно, отовсюду неслись радостные песни. Бабушка тоже торжествовала победу, говоря:

— Слава Богу, дождались. Победили, радость какая!

Горевала о тех, кто не дожил до этого дня. Она не забывала погибших солдат и молилась об их душах.

Соседи, которые так же, как и мы, жили в этой деревне, постепенно уезжали в свои родные края. Мы с бабушкой оставались и вместе с немногочисленными деревенскими жителями делились общей радостью — Великой Победой нашего народа над фашистской Германией.

Я помню, как в одном из деревенских домов, который находился на берегу речки, накрыли большой стол и пригласили всех жителей деревни. Пирше-

ство было до утра, все пели, плясали, плакали, смеялись, отмечали великий праздник.

Мою первую в жизни подружку звали Ниной, и появилась она у меня здесь, на этом празднике. Да она и не могла не появиться. Объединенные всеобщим ликованием, мы, еще до конца не понимая, что происходит, носились из одного угла в другой, смеялись, старались от радости перекричать взрослых и даже сорвали голоса. Потом несколько дней мы даже не могли ни с кем разговаривать, но зато подружились. Я очень привязалась к Нине, с ее дружбой жизнь в деревне стала интересней. И когда я буду уезжать, то буду плакать, расставаясь с ней, как будто понимая, что никогда в жизни больше ее не увижу.

